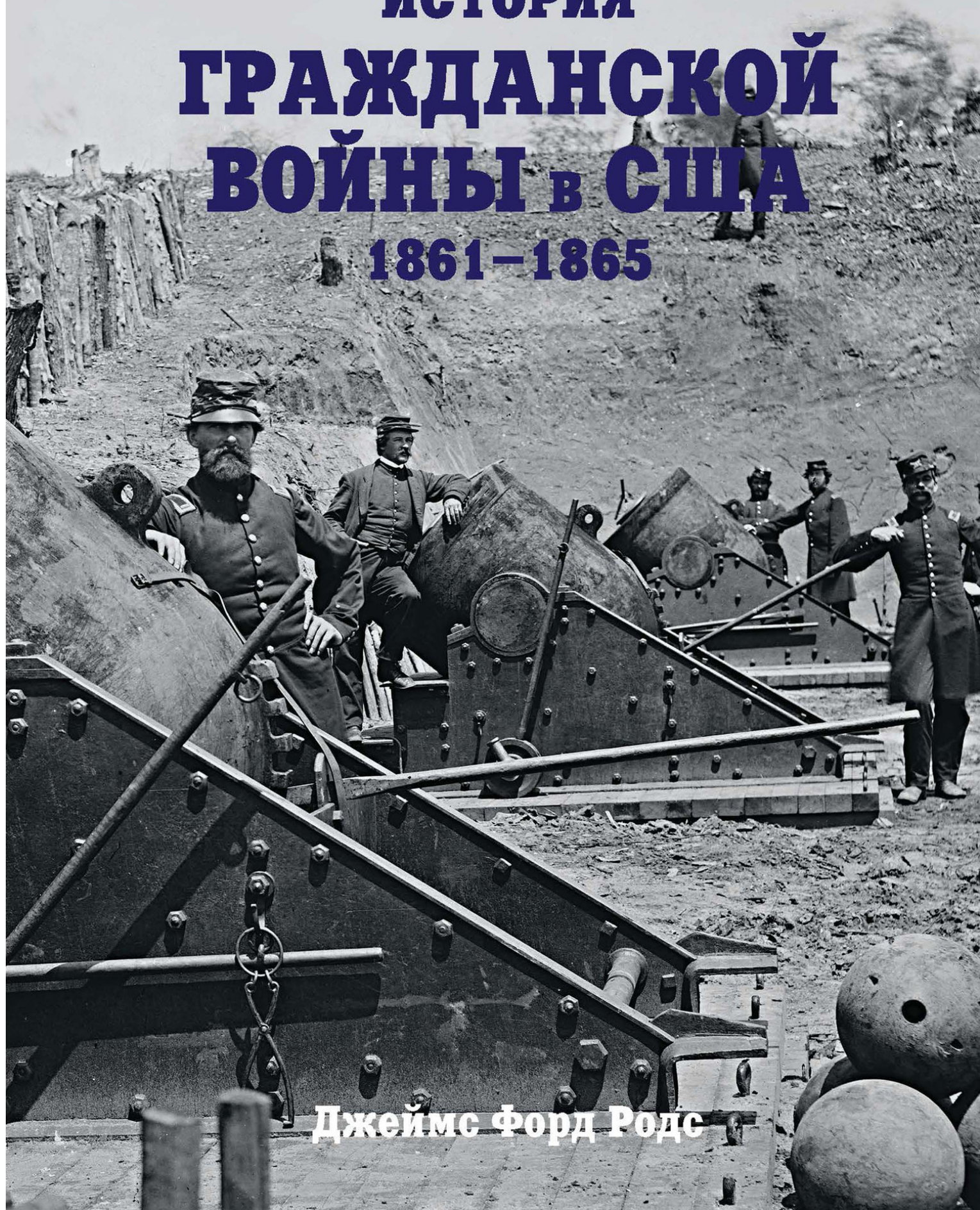

ПУЛИТЦЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ 1918 ГОДА

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в США 1861–1865

Джеймс Форд Родс

Джеймс Родс

**История Гражданской
войны в США. 1861–1865**

«Азбука-Аттикус»

1917

УДК 355 + 326.8
ББК 63.3(0)52

Родс Д. Ф.

История Гражданской войны в США. 1861–1865 / Д. Ф. Родс —
«Азбука-Аттикус», 1917

ISBN 978-5-389-15282-3

В книге видного американского историка Джеймса Форда Родса, которая в 1918 г. принесла ему Пулитцеровскую премию, подробно освещается ход Гражданской войны в США, от сецессии южных штатов в 1860–1861 гг. до капитуляции армий Юга в 1865-м. Здесь представлены яркие портреты главных лидеров – президента США Авраама Линкольна и первого, и единственного, президента Конфедеративных Штатов Америки Джефферсона Дэвиса, командующих силами северян – Улисса Гранта, Уильяма Шермана, Джорджа Томаса, Джорджа Мида, Джозефа Хукера, Джорджа Макклеллана, а также Роберта Ли, Томаса Джексона, Джозефа Джонстона, Джеймса Лонгстрита – командующих силами южан; описаны как их действия на поле боя, так и участие в политических дебатах, проходивших в Вашингтоне и Ричмонде. В полной мере раскрыта главная, по мнению Родса, причина самой кровопролитной на американской земле войны – рабство. Исследование, созданное на основе документальных материалов, заслуживает внимания всех, кто интересуется военной и политической историей.

УДК 355 + 326.8
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-389-15282-3

© Родс Д. Ф., 1917
© Азбука-Аттикус, 1917

Содержание

Предисловие	7
I	8
II	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Форд Родс История Гражданской войны в США. 1861–1865

*«Я считаю, что... союз этих штатов вечен... мы не можем
разделиться... Доверенные мне полномочия будут использованы для
того, чтобы контролировать, занимать собственность и территории,
принадлежащие правительству, и владеть ими».*

Авраам Линкольн. Первая инаугурационная речь
(пер. А. Семенова)

© Rhodes James Ford, 1917

© Бавин С. П., перевод на русский язык, 2017

Предисловие

Это не сокращенная версия трех моих томов о Гражданской войне, а новое исследование темы, в котором я использовал свою прежнюю работу как один из многих источников. Во всех случаях, когда я заимствовал предложения, параграфы и страницы из нее, я делал это потому, что после изучения первоисточников оказывалось, что мне не удастся изложить свое мнение лучше, чем в предыдущей работе.

После публикации трех томов, соответственно в 1895, 1899 и 1904 годах, на свет появилось множество новых оригинальных материалов и новые важные характеристики определенных периодов Гражданской войны. Считаю своим долгом особо отметить «Официальные документы флотов Союза и Конфедерации» (Official Records of the Union and Confederate Navies); «Дневник Гидеона Уэллса» (The Diary of Gideon Welles); книгу «Жизнь Джона А. Роулинса» (The Life of John A. Rawlins), которую Дж. Уилсон великодушно позволил мне прочитать в рукописи до ее публикации; письма и дневники Джона Хэя; «Черты личности Авраама Линкольна» (Personal Traits of Abraham Lincoln) мисс Николай; «Жизнь и письма генерала Мида» (The Life and Letters of George Gordon Meade); «История Гражданской войны» (Story of the Civil War) У. Ливермора; «Кампания при Чанселорсвилле» (The Campaign of Chancellorsville) Д. Биджелоу-мл.; «Жизнь Джона Хэя» (The Life of John Hay) У. Тэйера; «Воспоминания Карла Шурца» (The Reminiscences of Carl Schurz).

Я благодарен моему сыну Дэниэлу П. Родсу за литературное редактирование этого тома. Считаю своим долгом выразить благодарность Д. М. Маттесону за ценную помощь в исторических изысканиях, внимательное чтение рукописи и за замечания. Признателен за помощь моей секретарше мисс Уаймэн, а также библиотекарю Чарльзу К. Болтону, мисс Уайлдмэн и мисс Каттанач – сотрудникам Boston Athenaeum.

Бостон, 1917

I

Важнейшей предпосылкой уничтожения рабства стало избрание в 1860 году Авраама Линкольна президентом от Республиканской партии.¹ Он выступил против распространения рабства на территориях. Территориями назывались административные единицы в пределах национальных границ, которые не обладали необходимыми качествами для образования штата в силу малочисленности населения или иных препятствий и находились под управлением конгресса и президента. Республиканцы были против любого вмешательства в институт рабства в тех штатах, где оно существовало, но требовали свободы для огромных неорганизованных территорий к западу от реки Миссури. О том, как проходили выборы Линкольна, я уже подробно писал в своей «Истории Соединенных Штатов от Компромисса 1850 года до окончательного восстановления самоуправления на Юге в 1877 году»² и более кратко – в первой из моих Оксфордских лекций.³ Это была частичная победа, поскольку Линкольн не получил ни одного голоса выборщиков в десяти из одиннадцати штатов, которые впоследствии отделились и образовали Конфедерацию. Чарлстон (Южная Каролина), где были крайне сильны рабовладельческие настроения и стремление к сепаратизму, наравне с городами Севера радовался победе Линкольна, но в то же время приветствовал Южную Конфедерацию.⁴ В этом его жителей поддерживало население всей Южной Каролины, которое видело в избрании Линкольна атаку на оберегаемый институт рабства и было совершенно не заинтересовано в союзе с теми, кто намеревался избавить их от уже привычного зла. Они рассматривали своих рабов как имущество и полагали, что имеют такое же конституционное право брать это имущество на общие территории, как и северные поселенцы, которые гонят с собой лошадей и мулов. Линкольн, став президентом, намеревался лишить их этой привилегии; иными словами, он собирался отказать им в равноправии. В своих выступлениях он клеймил рабство; считая его злом, он должен был бороться с ним там, где оно существовало, и безусловно ограничивать его распространение. Могут ли свободные люди, спрашивали южане, терпеть столь откровенную несправедливость? Разве они все не привержены духу 1776 года и не должны выступать против любого явного акта агрессии? У всех на языке было слово «революция». Кризис был сопоставим с тем, что описывал Фукидид: «Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью, умеренность – личиной малодушия, всестороннее обсуждение – совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась подлинным достоинством мужа».⁵ На волне огромного энтузиазма народ Южной Каролины почти единодушно требовал отделения своего штата от Федерального Союза. Ее власти отреагировали незамедлительно. Надлежащим образом был созван конвент и принято

¹ 6 ноября. Характеристику Линкольна см.: Rhodes J. F. History of the United States. II. P. 308; Rhodes J. F. Lectures on the American Civil War Delivered at Oxford. P. 46. — Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.

² Rhodes J. F. History... I–II.

³ Rhodes J. F. Lectures...

⁴ Rhodes J. F. History... III. P. 115.

⁵ Фукидид. История. III, 82 (пер. Г. Стратановского).

постановление о сецессии, провозглашена Декларация независимости штата Южная Каролина.⁶ Этот акт в глазах жителей этого и других хлопковых штатов был основан на праве, отнесенном к компетенции штата «по договору, делегированному конституцией». Принятие постановления о сецессии сопровождалось военными маршами, кострами, оружейной стрельбой, фейерверками, иллюминацией, криками радости и ликования. Население Чарлстона праздновало начало революции в таком же приподнятом настроении, как в 1776 году.⁷

Тем временем сенат Соединенных Штатов в лице деятельного и представительного Комитета тринадцати работал над компромиссом в духе прежних дней. По словам Джефферсона, в 1820 году над идеей Союза прозвучал похоронный звон; вопрос о рабовладении, говорил он, «подобно пожарному колоколу в ночи разбудил меня и наполнил ужасом». Но Союз был спасен Миссурийским компромиссом.⁸ В 1850 году, когда Север и Юг столкнулись в жестком противостоянии по тому же вопросу о рабовладении и южане в открытую угрожали распадом Союза, противоречие вновь разрешилось Компромиссом Клея.⁹ Теперь, в 1860-м, северяне и жители пограничных рабовладельческих штатов, ратующие за сохранение Союза, надеялись, что конгресс каким-то образом разрешит спор, как это ему уже дважды удавалось ранее. Сенатский Комитет тринадцати тут же принял единственное решение, которого следовало ожидать для сохранения шести хлопковых штатов в составе Союза.¹⁰ Им стал Компромисс Криттендена, названный по имени его автора, сенатора от Кентукки; тот его пункт, который должен был примирить разногласия, касался существования рабовладения в территориальном смысле. Криттенден предложил конституционную поправку, смысл которой заключался в том, что давняя линия Миссурийского компромисса по 36°30' северной широты должна стать границей между рабством и свободой на территориях; к северу от нее рабство должно быть запрещено, к югу – защищено законом. Статья удовлетворила как сенаторов-демократов от северных штатов, так и представителей пограничных рабовладельческих штатов, которые вместе занимали шесть мест в комитете. Два сенатора от хлопковых штатов тоже согласились бы с ней, осознав, что защита рабовладения распространится на все территории, которые будут приобретены в будущем южнее линии компромисса. Пять сенаторов-республиканцев выступили против территориальной статьи, а поскольку существовала договоренность, что для утверждения любого предложения требуется согласие большинства из этих пяти, комитет не смог принять это необходимое для компромисса предложение. Несомненно, что Уильям Г. Сьюард,¹¹ один из тринадцати, лидер республиканцев в конгрессе и будущий глава кабинета Линкольна, поддержал бы эту статью, если бы заручился поддержкой Линкольна, но тот, готовый идти на компромисс по всем прочим дискуссионным проблемам, не проявил гибкости в территориальном вопросе, а именно в отношении земель, которые могут быть присоединены в будущем. Он вовсе не считал, что территории, принадлежащие Соединенным Штатам в 1860 году, должны были, выражаясь словами Уэбстера, оставаться свободными в соответствии с «законами природы» и «волей Божьей»; он готов был дать рабовладельцам возможность создать политическое рабовладельческое государство в Нью-Мексико – территории, находившейся южнее линии Миссурийского компромисса.¹² Но он опасался, что, если эта географическая параллель будет признана официальным актом как граница между свободой и рабством, «вопреки нашим стремлениям,

⁶ 20 декабря 1860 г.

⁷ Rhodes J. F. History... III. P. 114–125, 192–206; Rhodes J. F. Lectures... P. 65 et seq.

⁸ Rhodes J. F. History... I. P. 39.

⁹ Ibid. Chap. II.

¹⁰ Я называю «хлопковыми штатами» Южную Каролину, Джорджию, Флориду, Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Техас.

¹¹ См.: Rhodes J. F. History... I–II.

¹² Настоящее рабовладельческое государство основать было невозможно: после семи лет усилий на этой территории было всего 22 раба (Rhodes J. F. History... III. P. 176, 268 n., 313). Полоса земли Нью-Мексико шириной 30 миль (статутная миля – 1,6 км. – Примеч. перев.) с расширением в восточной части располагалась севернее 36°30' с. ш.

южане загорятся стремлением к разбойным захватам и созданию рабовладельческих штатов». «Не пройдет и года, – написал он позже, – как принятие Кубы станет условием того, чтобы они, хлопковые штаты, согласились оставаться в Союзе». Таким образом, Линкольн, используя свое косвенное влияние как избранного президента, призвал сенаторов-республиканцев провалить в комитете Компромисс Криттендена; они были вынуждены заявить, что не могут согласиться с предложенным планом урегулирования. После этого Криттенден призвал поставить план на всенародное голосование. Желание сохранить Союз было столь велико, что, если бы предложение прошло, подавляющее большинство проголосовало бы за компромисс; пусть даже это голосование было бы неофициальным, оно стало бы указанием, против которого сенат не смог бы устоять. Сенат не поставил на голосование предложение Криттендена, решительно настроенного добиться выражения общественного мнения. Сенаторы-республиканцы просто тихо саботировали его. Таким образом, последний шанс сохранить шесть хлопковых штатов в составе Союза оказался упущен.¹³

С 9 января по 1 февраля 1861 года конвенты штатов Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас приняли постановления о сецессии. В начале февраля были образованы Конфедеративные Штаты Америки (КША). Делегаты шести хлопковых штатов¹⁴ собрались в Монтгомери и должным образом сформировали правительство, краеугольным камнем которого стало убеждение, что «великая истина... в том, что рабство – естественное и нормальное состояние негров». Они избрали президентом Джефферсона Дэвиса¹⁵ и приняли конституцию по образцу Соединенных Штатов, но отошли от этого документа прямым признанием рабства и права на отделение.¹⁶

4 марта состоялась инаугурация президента Линкольна. Он столкнулся со сложной ситуацией. Избранный Союзом тридцати трех штатов, президент тут же лишился лояльности семи. Будучи убежденным, что «ни один штат не может никаким образом законно выйти из Союза без согласия остальных и что долг президента... управлять всем механизмом»,¹⁷ он должен был определить линию поведения в отношении штатов, которые объявили себя Южной Конфедерацией. Но выработка политики осложнялась желанием сохранить в составе Союза пограничные рабовладельческие штаты – Мэриленд, Виргинию, Кентукки и Миссури, а также Северную Каролину, Теннесси и Арканзас, которые имели тесные связи с четырьмя пограничными штатами. Все семь тяготели к Северу в силу теплого отношения к Союзу, к Югу – благодаря общности интересов в отношении рабовладельческой системы. Одна из задач Линкольна состояла в том, чтобы любовь к Союзу перевесила симпатию к отделившимся рабовладельческим штатам.

Трудно представить, как бы Линкольн мог тоньше проводить политику, тон которой он задал в инаугурационной речи. «Я считаю, – сказал он, – что союз этих штатов вечен... мы не можем разделиться... Доверенные мне полномочия будут использованы для того, чтобы контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими».¹⁸ Эта последняя декларация, пусть и неизбежная для президента в его положении, перевесила все его слова умиротворения и лишила смысла недавний патетический призыв к «недовольным согражданам» не доводить страну до гражданской войны.¹⁹

В процессе сецессии все форты, арсеналы, таможни и прочая собственность федерального правительства в границах хлопковых штатов перешли во владение этих штатов и, со

¹³ Rhodes J. F. History... III. P. 150–179, 253–266, 313; Rhodes J. F. Lectures... P. 68 et seq.

¹⁴ Первоначально без Техаса (Rhodes J. F. History... III. P. 291, n. 4).

¹⁵ Rhodes J. F. History... I. P. 389.

¹⁶ Ibid. III. P. 291–296, 320–325; Rhodes J. F. Lectures... P. 77 et seq. Первая сессия временного конгресса закончилась 16 марта.

¹⁷ Lincoln A. Complete Works (ed. by J. Nicolay and J. Hay). I. P. 660.

¹⁸ История США: Хрестоматия. М., 2005 (пер. А. Семенова).

¹⁹ Rhodes J. F. History... III. P. 318.

временем, в собственность Южной Конфедерации. Таким образом, к четвертому марта под контролем Линкольна осталось четыре военных форта, из которых самым важным был форт Самтер, господствующий над Чарлстоном.²⁰ С самого начала процесса сепарации внимание Севера было приковано к Южной Каролине. Многие годы, находясь в составе Союза, она проявляла своенравный характер; ее главный город Чарлстон был свидетелем раскола демократического национального конвента²¹ и последовавшего разделения партии, что обеспечило определенный успех республиканцам в 1860 году, который, в свою очередь, привел к сепарации штата и образованию Южной Конфедерации. Форт Самтер привлек особое внимание Севера событиями декабря 1860 года. Майор Андерсон с небольшим гарнизоном армии Соединенных Штатов занял форт Молтри; однако, будучи уверенным, что не сможет удержать форт в случае нападения со стороны Чарлстона, в ночь после Рождества тайно перевел свои силы в более мощный форт Самтер. Наутро, когда передислокация была обнаружена, Чарлстон вскипел от ярости, в то время как Север, услышав эту новость, торжествовал и провозгласил Андерсона героем.²² Линкольн признал важность владения фортом Самтер, но в то же время предложил использовать все средства, за исключением компромисса, для сохранения в составе Союза пограничных рабовладельческих штатов, а также Северной Каролины, Теннесси и Арканзаса. Три последних были настроены против Виргинии, где в данный момент проходила сессия конвента, готового принять любые действия, которые потребует складывающаяся ситуация. Возникла фундаментальная сложность. Для Линкольна удержать форт Самтер было священным долгом; для виргинцев он был гарантией против применения насилия, а насилие в данном случае означало принуждение желающего отделиться штата остаться в составе Союза. Если бы Виргиния почувствовала проявление подобного насилия, она бы присоединилась к Южной Конфедерации. Конфедеративные Штаты уже рассматривали старый Союз как иностранную державу, и владение ею фортом с развевающимся американским флагом на своей территории воспринимали как ежедневное оскорбление. Конфедераты попытались завладеть фортом Самтер, вступив в не прямые переговоры с правительством в Вашингтоне. Определенные надежды им подавал Сьюард, государственный секретарь и наиболее доверенный советник Линкольна. Если бы Линкольну стало известно о намеках Сьюарда на то, что Самтер может быть эвакуирован, которые звучали почти как обещание, он бы возмутился и потребовал прекратить переговоры и не вводить в заблуждение эмиссаров южан. 1 апреля дополнительное беспокойство ему доставил документ под названием «Некоторые мысли на рассмотрение президента», который Сьюард неофициальным образом представил ему как набросок коррекции политического курса. Вкратце она сводилась к следующим шагам: эвакуация форта Самтер; укрепление других позиций на Юге; немедленное истребование объяснений от Испании и Франции и, в случае их неудовлетворительности, созыв специальной сессии конгресса для объявления войны этим странам; объяснения также должны быть запрошены у Великобритании и России. С тем же опрометчивым пренебрежением к своему шефу и слепой верой в собственные представления о ведении государственных дел, демонстрируемые им в переговорах с судьей Кэмпбеллом, через посредство которого велись переговоры с посланцами Юга, направленными в Вашингтон Дэвисом, Сьюард дал президенту недвусмысленный намек на то, что реализация этой политики должна быть делегирована определенному члену кабинета – и этим членом является он сам. Предлагаемая внешняя политика была необдуманной и абсолютно неуместной. Наши отношения с названными четырьмя державами были совершенно мирными; можно вспомнить слова самого Сьюарда, сказанные менее трех месяцев назад: «Нет ни одной нации на Земле, которая

²⁰ Ibid. III. P. 280, 285 n., 321.

²¹ Ibid. II. P. 450.

²² Ibid. III. P. 216.

не вызывала бы у нас восхищения и дружеского интереса».²³ Сьюард взял себе в голову, что если наша страна развяжет войну с иностранным государством, то хлопковые штаты объединятся в согласии с Севером и как братья выступят против общего врага под старым флагом. Линкольн, разумеется, понял все безрассудство и нелепость предлагаемой политики, но не стал на это указывать в своем тактичном ответе на «Некоторые мысли...»; он сохранил в строгом секрете само существование документа;²⁴ он не потребовал отставки госсекретаря; у него даже не нашлось для последнего ни слова упрека или сарказма.

Президенту приходилось тратить время и силы на нескончаемую борьбу за должности. «Этажи, холлы, лестницы, кабинеты Белого дома, – писал Сьюард, – заполнили искатели мест»; Линкольн говорил: «Я словно сижу во дворце, распределяя апартаменты назойливым претендентам, в то время как все здание в огне и вот-вот обратится в пепел».²⁵ Президенту было необходимо сосредоточенно обдумать правильное отношение к отделяющимся штатам, и как же ему мешали бесконечные корыстные требования сторонников и иррациональные предложения руководителя его кабинета!

Главной проблемой теперь оказался Самтер. Как с ним следовало поступить? На следующий день после инаугурации президенту передали – Андерсон считает, что для обороны форта требуется дополнительно 20 000 человек.²⁶ Их необходимо перебросить морем и с боем пробиться к форту. Власти Южной Каролины настойчиво занимались размещением на островах бухты Чарлстона артиллерийских батарей и укреплением фортов, стоящих напротив Самтера. Более того, запасов провианта у Андерсона хватало не более чем до середины апреля. Главнокомандующий генерал Скотт выступал за эвакуацию Самтера в качестве логичного шага в рамках той политики в отношении Юга, защитником которой выступал он и другие влиятельные лица и которую он определял фразой «упрямые сестры расходятся миром».²⁷ На заседании кабинета 14 марта президент поинтересовался у советников, возможно ли обеспечить продовольствием форт Самтер и разумно ли будет попытаться это сделать. Четверо поддержали Сьюарда и сказали «нет»; только двое ответили утвердительно. Линкольну, несомненно, уже приходила в голову мысль о неизбежности эвакуации форта.²⁸ Имея в виду Виргинию, конвент которой, как он надеялся, мог воздержаться от действий, он мог пообещать одному из ее представителей, что уберет Андерсона, взамен чего конвент Виргинии, продолжающий угрожать отделением, разошелся бы на неопределенный срок. Свидетельства слишком противоречивы, чтобы что-то положительно утверждать, но если такое предложение и было сделано, оно никогда не было передано конвенту и не рассматривалось им.²⁹

Для принятия окончательного решения необходимо было учитывать и настроения северян. Оставление Самтера могло быть воспринято как готовность к мирному разводу, как победа принципа суверенности штатов и сецессии. В итоге при активной поддержке кабинета Линкольн принял мудрое решение. Посылка подкреплений была непрактична с военной точки зрения – прорываясь к форту, Север мог совершить «первый выстрел». Но в качестве политической меры президент решил «послать Андерсону хлеб»,³⁰ чтобы форт не пришлось эвакуировать из-за нехватки продовольствия. В соответствии со своим прежним обещанием³¹ он

²³ Bancroft F. Life of William H. Seward. II. P. 134, 136, 157.

²⁴ Он стал известен только после публикации Century Magazine в феврале 1888 г.

²⁵ Rhodes J. F. History... III. P. 326, 327.

²⁶ Численность регулярной армии составляла 17 000 человек (Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln. IV, 65).

²⁷ Rhodes J. F. History... III. P. 341.

²⁸ Ibid.

²⁹ Rhodes J. F. History... III. P. 344; Hay J. Letters and Diary. I. P. 47 (22 октября 1861 г.); White H. Life of Lyman Trumbull. P. 158.

³⁰ Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln. IV. P. 44.

³¹ Ibid. P. 33.

сообщил о своем намерении губернатору Южной Каролины. Борегар, командуя войсками Конфедерации в Чарлстоне, ознакомленный вместе с губернатором с официальным извещением, телеграфировал об этом военному министру Конфедерации в Монтгомери и через два дня, 10 апреля, получил приказ требовать эвакуации форта Самтер и – в случае отказа – вынудить гарнизон к этому.

Требование было предъявлено. Андерсон, написав отказ подчиниться ему, заметил представителям Конфедерации, которые доставили ноту Борегара: «Если вы не разнесете форт на куски вместе с нами, мы все равно через несколько дней перемрем с голоду».³² Борегар, проявляя осторожность, передал это признание в Монтгомери. В ответе была продемонстрирована аналогичная осторожность и стремление не проявлять поспешной враждебности: «Мы не желаем без необходимости бомбардировать форт Самтер. Если майор Андерсон укажет сроки, в которые... он эвакуирует Самтер... вы вольны избежать кровопролития». 11 апреля в без четверти час ночи адъютанты Борегара вновь потребовали эвакуации и вновь получили отказ, но Андерсон написал: «Я... эвакуирую форт Самтер ровно в полдень 15-го... если не получу до этого времени руководящие указания от моего правительства или дополнительное продовольствие».³³ Адъютанты расценили эти оговорки как «явно несерьезные»³⁴ и, действуя в соответствии с письменными приказами, отдали приказ форту Джонсон открыть огонь; первый снаряд был выпущен в половине пятого утра 12 апреля. Этот выстрел – сигнал к началу бомбардировки – вызвал глубокое возбуждение в Соединенных Штатах и фактически обозначил начало четырехлетней Гражданской войны.³⁵

Бомбардировка не была необходимой. Самтер мог быть взят и без нее. Борегар напрасно встревожился отправлением экспедиции, которая везла хлеб для Андерсона. Он опасался приближения к берегам Южной Каролины «флота Соединенных Штатов, который расположился у входа в гавань», поскольку полагал, что перед ним стоит задача укрепления форта Самтер. Один из его адъютантов сообщил, что «четыре больших парохода открыто стоят за молом». Жители Чарлстона говорили, что дальше от берега находится шесть военных кораблей.³⁶ В связи со всеобщей тревогой на берегу любопытно отметить реальную неудачу отправленной на помощь форту экспедиции. В ее состав должны были входить четыре боевых корабля, три паровых буксира и грузовой пароход «Балтик». Командующий экспедицией Г. В. Фокс, находившийся на борту «Балтика», прибыл к Чарлстону за полтора часа до начала бомбардировки, но обнаружил там лишь один военный корабль.³⁷ Второй³⁸ подошел в 7 утра; но без «Поухатана»,³⁹ самого мощного из кораблей, загруженного необходимым снаряжением, ничего сделать было нельзя, и никаких попыток доставить в форт провизию предпринято не было. Причиной неудачи экспедиции стали административная неэффективность и безграмотное вмешательство Сьюарда, а также сильный шторм. Фокс и его спутники наблюдали за бомбардировкой, досадуя на свое бессилие оказать помощь братьям по оружию.

Перед тем как покинуть Самтер, посланцы Борегара письменно уведомили Андерсона и его офицеров, что через час их батареи откроют огонь по форту. Андерсон, сопровождае-

³² Rhodes J. F. History... III. P. 348.

³³ Official Records of the Union and Confederate Armies. Ser. 1. I. P. 14, 301. В обоих донесениях есть оговорки, не имеющие значения для данного повествования.

³⁴ Ibid. P. 60.

³⁵ Official Records of the Union and Confederate Armies. Ser. 1. I. P. 31, 306–307.

³⁶ Chesnut M. B. A Diary from Dixie. P. 33, 39. «Пароход “Нашвилл” из Нью-Йорка, торговый пароход и еще несколько торговых судов подошли к молу и ждали результатов бомбардировки, подавая сигналы крупному военному флоту, находящемуся за пределами гавани» (Official Records of the Union and Confederate Navies. Ser. 1. IV. P. 249).

³⁷ «Харриет Лейн», таможенный пароход.

³⁸ «Поуни».

³⁹ «Поухатан» отделился и не пришел к Чарлстону. «Покахонтас» пришел 13 апреля в 2 часа дня.

мый офицерами, спустился в казематы, где спали солдаты, разбудил их, сообщил о предстоящей атаке и о своем решении не открывать ответный огонь до рассвета. Первый снаряд был выпущен из форта Джонсон; в половине пятого «он высоко взмыл в воздух и, пролетев по крутой дуге, разорвался почти прямо над фортом».⁴⁰ Следующий выстрел был произведен батареей на Каммингс-Пойнт. Как говорят, его лично сделал известный сецессионист из Виргинии, давно мечтавший о таком счастливом дне. Официальные сведения не подтверждают это распространенное мнение, но подполковник, командовавший батареей, писал, что «энтузиазм и личный пример» этого старого виргинца, который оказался на одной из батарей Каммингс-Пойнт «во время самого активного периода бомбардировок», «сильно повлияли» на его людей.⁴¹ После выстрела с Каммингс-Пойнт все батареи открыли беглый огонь; Самтер оказался «в огненном кольце».⁴² Тем временем защитники форта, взбужденные невиданной сценой, наблюдали за тем, как вокруг рвутся снаряды, пока не осознали опасность нахождения на открытом пространстве и не скрылись за стенами, где стали ждать обычной переключки и сигнала к завтраку. Хлеба у них не было; на завтрак подали свинину и подпорченный рис. В 7 утра Андерсон отдал приказ, и из Самтера выпустили первый снаряд по Каммингс-Пойнт; далее был открыт интенсивный огонь. Через полтора часа огонь был открыт по форту Молтри, и с этого момента «интенсивная и непрерывная перестрелка... продолжалась в течение дня».⁴³ Для жителей Чарлстона, которые заполнили крыши домов и набережную, эта артиллерийская дуэль представляла величественное зрелище. Они утратили последние остатки любви к Союзу; они ненавидели американский флаг примерно так же, как венецианцы ненавидели австрийский; испытывая тревогу за своих мужей, сыновей и братьев, предвкушали приближение момента, когда противник больше не сможет удерживать форт, господствующий над гаванью и городом.

В середине дня огонь Самтера ослабел; стала ощущаться нехватка снарядов, «хотя шесть стволов в форте постоянно использовались» до тех пор, пока не были использованы вся «лишняя одежда батарейцев, вся грубая бумага и лишние госпитальные простыни».⁴⁴ С наступлением темноты Самтер прекратил огонь. Батареи конфедератов продолжали стрелять, но с большими интервалами. Были опасения, что с наступлением темноты и под прикрытием штормовой погоды «флот Соединенных Штатов почти наверняка попытается высадить десант на острова или перебросить войска в форт Самтер на лодках», а потому бдительность на островах Моррис и Салливан была усилена.⁴⁵ Рано утром в субботу 13 апреля бомбардировка возобновилась. Защитники форта доели последнюю свинину с подпорченным рисом и снова рьяно взялись за дело. «Форт Самтер рано возобновил жестокую канонаду и уделил особое внимание форту Молтри», – записал комендант Молтри.⁴⁶ Но вскоре от огня форта Молтри и других батарей в офицерских казармах начался пожар. Опасности подвергся пороховой склад. Андерсон приказал переместить пятьдесят бочек с порохом в казематы, двери снарядного погреба запереть и присыпать землей. Когда огонь охватил деревянные казармы, угрожая распространиться на казематы, он приказал сбросить в море все бочки с порохом, кроме пяти. В час дня был перебит флагшток и упал флаг, но его вскоре водрузили вновь. Это событие, наряду с дымом и огнем пожара, дало основание конфедератам полагать, что положение Андерсона бедственно. С Каммингс-Пойнт к нему был направлен парламентер с белым флагом. Еще троих из города направил Борегар. На последовавших переговорах сошлись на почетных условиях. «Я

⁴⁰ Crawford S. W. The Genesis of the Civil War: the Story of Sumter, 1860–1861. P. 427.

⁴¹ Official Records... Armies. Ser. 1. I. P. 35, 44, 46, 54.

⁴² Crawford S. W. Op. cit. P. 427.

⁴³ Official Records... Armies. Ser. 1. I. P. 40.

⁴⁴ Official Records... Armies. Ser. 1. I. P. 19, 21.

⁴⁵ Ibid. P. 31.

⁴⁶ Ibid. P. 41.

покинул форт в воскресенье, 14 апреля, ровно в полдень, – сообщал Андерсон, – с распущенными флагами и под барабанный бой, взяв с собой казенное и личное имущество, отсалютовав моему флагу из пятидесяти ружей».⁴⁷

В этом историческом сражении с обеих сторон не погиб ни один человек. По сравнению с военными сводками, появлявшимися два года спустя, неприкрашенность сообщений и свидетельств об этом моменте чрезвычайно важна, ведь в них говорится о мальчишках, осваивающих азы войны, – мальчишках, которые вскоре станут опытными ветеранами, поднаторевшими в методах уничтожения. Это была трудная школа, и началом ее стала артиллерийская дуэль в гавани Чарлстона.

Подчиненные Борегара взяли на себя слишком большую ответственность, отдав распоряжение открыть огонь; им следовало довести до сведения начальства ответ Андерсона. Нет никаких сомнений, что Конфедеративные Штаты могли мирным путем приобрести в понедельник то, что захватили силой в воскресенье. Если бы Борегар получил последний ответ Андерсона, он, бесспорно, взял бы паузу и запросил у Монтгомери дальнейшие указания. При отсутствии флота Соединенных Штатов, разумеется, вызывало беспокойство, однако опасность с этой стороны, даже преувеличенную в сознании Борегара, можно было нейтрализовать оборонительными усилиями с тем же успехом, как и бомбардировкой форта Самтер.⁴⁸ Но Южная Каролина страстно хотела завладеть фортом, и адъютанты, которые отдали приказ о враждебных действиях, оказались в плену этой страсти.

В апреле 1861 года война уже была совершенно неизбежна. Палата представителей, расколота изнутри, устоять не могла. Неотвратимый конфликт дошел до критической точки; словами уже было не помочь. При таких обстоятельствах для Линкольна стало большой удачей то, что агрессором выступил Юг. Тщательно продуманные оправдания Дэвиса⁴⁹ и документы, на которые они опирались, ни в коей мере не могли ответить на вопросы, которые задавали северяне солдатам Юга, когда они встречались под флагом перемирия или в других случаях, когда конфедератам и федералам представлялась возможность словесной перепалки: «А кто начал войну? Кто первый ударил? Кто стрелял по стенам форта Самтер?»⁵⁰

«Одним взмахом президент призвал к оружию всю нацию», – писал Генри Адамс в 1861 году, будучи в Вашингтоне.⁵¹ Он имел в виду заявление, призывающее 75 000 добровольцев, чьей первоочередной задачей должно было стать «возвращение фортов, городов и собственности, захваченных у Союза». Линкольн написал его в то самое воскресенье 14 апреля, когда Андерсон покинул форт Самтер. В согласии с актом от 28 февраля 1795 года президент своей властью призвал это количество ополченцев, распределенное среди 27 штатов, чтобы в семи хлопковых штатах изменить ход событий, справиться с которым стало невозможно путем «обычного юридического делопроизводства», и объявил о созыве специальной сессии конгресса 4 июля. В разъяснениях, направленных военным министерством некоторым губернаторам, указывался предполагаемый срок призыва – три месяца, но это никоим образом не отражает мнения президента о вероятной продолжительности войны; он просто действовал в согласии с актом 1795 года, который определял, что ополчение может быть использовано лишь в течение тридцати дней после следующего заседания конгресса.

После двух дней гневного возмущения оскорблением флага жители Севера прочитали призыв президента к вооруженным силам. «Тот первый выстрел по Самтеру, – написал Лоуэлл, – заставил все свободные штаты подняться как одного человека». «Вереск в огне, –

⁴⁷ Official Records... Armies. Ser. 1. I. P. 12.

⁴⁸ Official Records... Navies. Ser. 1. IV. P. 252, 262.

⁴⁹ Rhodes J. F. History... III. P. 351, n. 3.

⁵⁰ Watson W. Life in the Confederate Army. P. 98; Russell W. H. My Diary North and South. P. 204.

⁵¹ Massachusetts Historical Society. Proceedings. XLIII. P. 687.

сказал Джордж Тикнор. – Я никогда раньше не представлял, каким может быть народное воодушевление. На Севере никогда ничего подобного не происходило».⁵² Губернаторы, legislatures штатов, проводившие сессии, рядовые граждане действовали в тесном сотрудничестве. Люди забыли, демократы они или республиканцы; партийные пристрастия уступили место патриотизму. Нависла угроза захвата Вашингтона войсками южан, вдохновленных своей победой над Самтером; для обороны требовались вооруженные и экипированные солдаты. Первым отреагировал 6-й Массачусетский полк, выступив из Бостона 17 апреля и через два дня прибыв в Балтимор. Единственный путь в Вашингтон по железной дороге проходил через Балтимор, где активное стремление к сецессии создавало угрозу того, что войскам северян, нацеленным на вторжение в южные штаты, не дадут возможности пройти по улицам города. Командир 6-го полка, проинформированный в Филадельфии о ситуации, решил прибыть в Балтимор утром 19 апреля. Приезжающие из Филадельфии обычно делали пересадку: в конных экипажах пассажиров доставляли на другой, отстоящий на милю, вокзал, чтобы оттуда следовать в вагонах компании «Балтимор – Огайо», которой принадлежал сорокамильный отрезок одноколейной железной дороги до столицы страны. Семь рот быстро проехали через город, прежде чем разъяренная толпа перекрыла железную дорогу и возвела баррикаду, чтобы не допустить переброски остальной части полка. Обнаружив это, командиры четырех оставшихся рот решили отправиться на вокзал пешим маршем; однако не успели они начать движение, как толпа с флагом сецессионистов преградила им путь и грозила перебить всех «белых ниггеров», если будет сделана попытка пройти по улицам. Капитан, командовавший подразделениями, отдал приказ выступать; впереди колонны шел полицейский. На солдат, начавших движение, обрушился град булыжников, вывернутых из мостовой, и обломков кирпичей. Через сотню метров они подошли к мосту, который оказался частично разобран. «Нам пришлось попрыгать, как при игре в “классики”», – рассказывал капитан. Был дан приказ двигаться ускоренным маршем. Толпа решила, что у солдат либо нет патронов, либо они не осмеливаются стрелять. Из разъяренной толпы раздались выстрелы по колонне, один солдат оказался убит. Капитан дал команду «огонь»; несколько человек из толпы упало. В этот момент прибыл мэр Балтимора и встал во главе колонны. «Толпа смелела, – записал он впоследствии, – и нападала все ожесточеннее. Несколько человек с обеих сторон были убиты или ранены». Присутствие мэра не способствовало умиротворению страстей, и он покинул голову колонны, но четыре роты продолжили путь, огнем пробиваясь к своим товарищам. Их поддерживали начальник городской полиции и пятьдесят полицейских, прикрывавших тыл колонны. На закрытые окна поезда «Балтимор – Огайо», в котором разместился полк, обрушился новый град камней, и один из солдат в ярости выстрелил, убив известного горожанина, находившегося там просто в качестве наблюдателя. Наконец поезд двинулся в путь и во второй половине дня прибыл в Вашингтон. Полк понес потери: четверо убитых и тридцать шесть раненых. Потери среди нападавших оказались значительнее.

В Балтиморе сохранялось возбужденное настроение. «Улицы красны от мэрилендской крови», – отметил начальник полиции. Сецессионисты и сторонники южан неистовствовали, сочувственные настроения к северянам в городе были задушены. «Волнения опасны. Больше не направляйте сюда войска», – сказано было в совместном обращении мэра Балтимора и губернатора Мэриленда к президенту. Возмущение оказалось столь сильным, что стали формироваться вооруженные отряды города и штата; граждане вызывались добровольцами и, более или менее снабженные оружием, зачислялись в отряды обороны под руководством полиции. На Монумент-сквер состоялся массовый митинг, главным мотивом которого стал решительный протест против любых попыток применения силы в отношении Конфедеративных Штатов. Предчувствуя «жестокий бой и кровопролитие» в случае прохождения новых воин-

⁵² Rhodes J. F. History... III. P. 357.

ских подразделений северян через город, мэр и начальник городской полиции отдали распоряжение сжечь несколько железнодорожных мостов на линии Филадельфия – Уилмингтон – Балтимор и на Северной Центральной линии, идущей на Гаррисберг; на каждой из дорог было сожжено по три моста, что полностью прервало железнодорожное сообщение с Севером.⁵³

Семь дней после эвакуации Самтера оказались наполнены событиями чрезвычайно злобующего характера. 17 апреля конвент Виргинии, заседавший втайне, принял ордонанс о сецессии. Власти в Вашингтоне узнали об этом на следующий день. В качестве ответа на призыв Линкольна о мобилизации 75 000 добровольцев Джефферсон Дэвис объявил о раздаче каперских свидетельств и репрессалиях против торгового флота Соединенных Штатов. Президент, в свою очередь, 19 апреля объявил о блокаде южных портов от Южной Каролины до Техаса включительно и заявил, что каперы, действующие под «мнимой властью» Конфедеративных Штатов, будут считаться пиратами. 18 апреля командующий военным арсеналом Соединенных Штатов в Харперс-Ферри, посчитав свою позицию необороноспособной, покинул город, предварительно уничтожив арсенал и здания оружейных мастерских. 20 апреля северяне частично уничтожили государственную военную верфь в Госпорте и оставили ее в распоряжении виргинцев. В тот же день Роберт Э. Ли, которого генерал Скотт считал способнейшим из офицеров своего окружения и которому неофициально было предложено принять командование армией северян, отказался от предложения, показав, что намерен связать свою судьбу с Югом. Сложность ситуации усугублялась прекращением сообщения между столицей страны и Севером из-за обстановки в Балтиморе.⁵⁴ В ночь на воскресенье 21 апреля перестал функционировать телеграф. Единственным способом связи правительства с лояльными территориями и народом стали частные курьеры; им с большими трудностями приходилось пробираться через Мэриленд, где в тот момент преобладали недружественные настроения. Было нелегко получить достоверную информацию, в воздухе носились слухи самого разного рода. Правительство и горожане не исключали штурма столицы. Они опасались, что войска из Южной Каролины под командованием Борегара могут быть быстро переброшены на Север по железной дороге и, подкрепленные в Ричмонде виргинскими частями, с легкостью захватить Вашингтон. Начались приготовления к осаде. Искателей государственных должностей охватила паника, погнавшая их на север. Многие граждане, разделявшие сецессионистские настроения, из опасения, что все мужское население города будет призвано на его защиту, уезжали на юг. 22 апреля генерал Скотт записал: «[Вашингтон] в данный момент частично в осаде, и есть опасность, что он будет атакован со всех сторон в ближайшие два-три дня». Прибытие 8-го Массачусетского и 7-го Нью-йоркского полков в Аннаполис, которого они достигли по воде, подтолкнуло губернатора штата направить телеграмму президенту с предложением «дать распоряжение не направлять больше войска через Мэриленд»; он также настаивал «обратиться к английскому посланнику лорду Лайонсу с просьбой стать посредником между соперничающими партиями в нашей стране».⁵⁵

Джон Хэй, в то время один из личных секретарей президента, оставил в дневнике впечатляющий отчет об этих днях. Шестой Массачусетский полк был расквартирован в Капитолии; эта сцена не была оставлена незамеченной: «Резкий контраст между седовласыми джентльменами, заполнявшими палату Сената, когда я ее видел в последний раз, и нынешней толпой ясноглазых молодых янки, речь и манеры большинства из которых несут на себе печать сельской Новой Англии, расположившихся на столах, в креслах и коридорах. Некоторые бездельничают, многие медленно пишут письма. У одних руки, загрубелые от сельского труда,

⁵³ Official Records ... Armies. Ser. 1. II, LI, Pt. I; Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln. IV; Congressional Globe. 1861. 18 jul.; Hanson J. W. The Sixth Massachusetts Regiment. III; Pearson H. G. The Life of John A. Andrew.

⁵⁴ Волнения в Балтиморе произошли в пятницу, 19 апреля.

⁵⁵ Rhodes J. F. History... III. P. 364 et seq.

у других – быстрые и резвые пальцы конторских клерков. Гроу, представитель от Пенсильвании, который позже станет спикером палаты, терпеливо стоит у стола и каждому франкирует письма... Сегодня вечером (20 апреля) все полно тревожными слухами о планируемом наступлении на город... Сегодня утром (21 апреля) мы возвели стену с бойницами у резиденции президента, и Старец (Линкольн) долго высматривал войска, которые должны прибыть через форт Монро, Чесапикский залив и по реке Потомак. Перехваченная телеграмма в Балтимор констатирует, что наши Янки (8-й Массачусетский полк) и Ньюйоркцы (7-й Нью-йоркский полк) высадились в Аннаполисе (22 апреля). Уставшие, со сбитыми ногами, но очень желанные, они, вероятно, будут приветствовать нас завтра... Домохозяева уже начинают опасаться голода. Цена на муку внезапно подскочила до 18 долларов за бочку».⁵⁶

Президент остро ощущал важность удержания столицы и чрезвычайно переживал за ее безопасность. Прошел вторник, 23 апреля, а солдаты еще не появились. Он беспрестанно мерил шагами свой кабинет и с тревогой поглядывал в окно на Потомак, надеясь увидеть долгожданные суда; размышляя в одиночестве, он с тоской восклицал: «Почему же они не подходят?! Почему же они не подходят?!» В тот же день пришла почта из Нью-Йорка, отправленная три дня назад. В ней были газеты, которые писали, что патриотический подъем на Севере продолжается с нарастающей силой и безудержным энтузиазмом, что 7-й Нью-йоркский полк уже отбыл, выступили и воинские части из Род-Айленда. Следующий день (24 апреля), по словам Хэя, был «днем уныния и сомнений. Похоже, все охвачены смутными подозрениями и чувством безысходности. Кажется, что-то подобное испытывает и сам Линкольн. Разговаривая этим утром с добровольцами (из 6-го Массачусетского), он сказал: “Не верю, что Север вообще существует. Седьмой полк – миф! Род-Айленд больше неизвестен в нашей географии. Вы – единственная северная реальность”».⁵⁷

Тем временем 7-й Нью-йоркский и 8-й Массачусетский маршем прибыли на вокзал Аннаполиса, где нашли поезд, который быстро доставил их в Вашингтон. 7-й полк прибыл первым – 25 апреля. Высадившись из вагонов, солдаты двинулись по Пенсильвания-авеню к Белому дому. Для людей, которые обратили внимание на их воинственный дух, и для президента, который проводил смотр, это было хорошим знаком. Их прибытие означало, что путь с лояльного Севера к столице открыт, что другие полки тоже в скором времени появятся и что Вашингтон в безопасности.⁵⁸ Впрочем, войска северян не рисковали проходить через Балтимор вплоть до 9 мая; прибыв из Перривилла, они высадились на берег под прикрытием пушек таможенного парохода, затем под плотной охраной полиции миновали южную часть Балтимора. Нападений не последовало. Четверо суток спустя (и 24 дня после прекращения сообщения) в столицу прибыл первый поезд из Филадельфии, а вскоре после этого было восстановлено регулярное сообщение с городами Севера, которым пользовались как воинские контингенты, так и обычные пассажиры.⁵⁹

Жители Конфедеративных Штатов восприняли призыв Линкольном 75 000 добровольцев как объявление войны, предполагающей вторжение на их территорию, покушение на них самих и на их собственность. Воодушевление на Юге было не меньшим, чем на Севере. Народ клялся сопротивляться правительству Линкольна до последнего человека и последнего доллара. Сплочение губернаторов и граждан с Дэвисом не уступало сплочению северян вокруг Линкольна. Если бы европеец, не разбиравшийся в названиях наших штатов и именах публич-

⁵⁶ Hay J. Letters and Diary. I. P. 14 et seq.

⁵⁷ Rhodes J. F. History... III. P. 368; Hay J. Letters and Diary. I. P. 23. Он добавил: «Дюжина посланцев Сьюарда так и не вернулась». Некий генеральский адъютант телеграфировал из Вашингтона: «Вашингтон падет через десять дней просто от голода» (Official Records ... Armies. Ser. I. LI, Pt. I. P. 367).

⁵⁸ Rhodes J. F. History... III. P. 372 et seq. Тревога за Вашингтон была естественной, но не очень обоснованной (Ibid. P. 374 et seq.).

⁵⁹ Ibid. P. 389; Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln. IV. P. 172.

ных деятелей, читал в 1861 году официальные обращения, он мог бы понять, о какой стороне идет речь, только по редакционным заголовкам вроде «как сообщают из Конфедерации» («из Союза»).

Первыми ставками, которые должны были разыграть Линкольн и Дэвис, были штаты Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина, Кентукки, Теннесси, Миссури и Арканзас. Несмотря на эксцессы в Балтиморе, главном городе Мэриленда, в этом штате были влиятельные элементы, чью любовь к Союзу разделял и губернатор; под его руководством и при тактической помощи президента штат решил связать свою судьбу с Севером.

За два дня до начала бомбардировок Самтера виргинский сецессионист Роджер А. Прайор, выступая в Чарлстоне со страстной речью, заявил: «Я скажу вам, джентльмены, что меньше чем за час – по шрусберскому времени – приведет Виргинию в Южную Конфедерацию – нанесите удар!» Он знал своих соотечественников. Возбуждение в Виргинии было сопоставимо со всеми хлопковыми штатами. Губернатор выразил общее мнение, категорически отказавшись заполнить квоту, назначенную штату в соответствии с призывом Линкольном 75 000 ополченцев. В Монтгомери уже слышали, что Виргиния «кипит от возмущения в связи с призывом Линкольна».⁶⁰ 17 апреля конвент штата 103 голосами против 46 принял ордонанс о сецессии, который должен был вступить в силу после ратификации его на всеобщем голосовании во вторник, 4 мая.⁶¹ Власти не сомневались в исходе голосования и намеревались связать судьбу Виргинии с Конфедеративными Штатами. Губернатор телеграфировал в Монтгомери о всеобщем желании и незамедлительно получил сообщение от Дэвиса: «Резолюция за альянс принята. Предложение сердечно принимается. Специальный уполномоченный будет направлен следующим поездом».⁶² Во исполнение этого обещания в Ричмонд прибыл Александр Г. Стивенс, вице-президент Конфедеративных Штатов. Хотя он и написал о «препятствиях и трудностях» при оформлении договоренностей, общая цель и взаимные симпатии были столь очевидны, что он договорился о заключении военного альянса между Конфедеративными Штатами и Виргинией, передавшей управление ее военными силами Дэвису.⁶³ 7 мая Конфедеративный конгресс принял Виргинию в состав Конфедерации и, принимая предложение ее конвента (27 апреля), сделал своей столицей Ричмонд (21 мая).⁶⁴

Губернатор Северной Каролины ответил военному министру: «Я считаю вербовку в войска, назначенную администрацией с целью подчинения южных штатов, нарушением конституции и серьезной узурпацией власти. Я не могу участвовать... в этой войне против вольностей свободного народа. Вы не получите войск от Северной Каролины».⁶⁵ Пока Линкольн не выступил с требованием солдат, две трети населения Северной Каролины были против сецессии,⁶⁶ однако теперь, как только удалось созвать конвент, ордонанс о сецессии был принят единогласно, и Северная Каролина вошла в состав Конфедеративных Штатов.⁶⁷

6 мая конвент штата Арканзас принял ордонанс о сецессии при одном голосе «против». Вскоре после этого штат присоединился к Южной Конфедерации.

В ответ на призыв Линкольна к набору ополченцев губернатор штата Теннесси сказал: «Теннесси не даст ни единого человека для осуществления насилия».⁶⁸ Штат не принял ордо-

⁶⁰ Official Records... Armies. Ser. 1. LI, Pt. II. P. 11.

⁶¹ 23 мая большинство голосов – 96 750 – было подано за ратификацию; 32 134 голоса – против (в основном в западных округах) (Rhodes J. F. History... III. P. 387).

⁶² Official Records... Armies. Ser. 1. LI, Pt. II. P. 18.

⁶³ Ibid. Ser. 4. I. P. 242 et seq.; Rhodes J. F. History... III. P. 379.

⁶⁴ Rhodes J. F. History... III. P. 396; Official Records... Armies. Ser. 4. I. P. 255.

⁶⁵ Official Records... Armies. Ser. 3. I. P. 72.

⁶⁶ Ibid. Ser. 1. LI, Pt. II. P. 831.

⁶⁷ Rhodes J. F. History... III. P. 383.

⁶⁸ Official Records... Armies. Ser. 3. I. P. 81.

нанс о сепарации, но в течение мая его законодатели заключили военный союз с Конфедеративными Штатами, а на народном голосовании 8 июня большинством почти в 58 000 голосов граждане высказались за отделение от Союза и присоединение к Южной Конфедерации.⁶⁹

«Кентукки, – телеграфировал губернатор штата, – не даст никаких войск для безнравственной цели покорения братских южных штатов».⁷⁰ Но он не смог вовлечь штат в движение сепарационизма. Равновесие противоположных сил некоторое время сохранялось, но Линкольн хорошо знал свой родной штат и, благодаря такту и терпению, поддерживал сторонников Союза так, что их влияние постоянно росло, так что в августе в новом законодательном собрании они получили почти по три четверти мест в каждой из палат.⁷¹

Губернатор Миссури также был склонен поддержать сепарацию и на призыв предоставить ополченцев ответил: «Ваше требование, по моему мнению, незаконно, неконституционно и революционно по сути, бесчеловечно и внушено дьяволом... Штат Миссури не даст ни одного человека для участия в этом нечестивом походе».⁷² Однако у него был решительно настроенный противник в лице Фрэнсиса П. Блэра-младшего, человека необычайной физической и моральной отваги, занимавшего высокое общественное положение в Сент-Луисе и лично весьма популярного. Блэр четыре месяца вел против губернатора политические и воинственные маневры, в результате которых восторжествовал и штат Миссури остался в Союзе.⁷³

Теперь картина сложилась. Двадцать три штата против одиннадцати; двадцать два миллиона человек против девяти, а из этих девяти – три с половиной миллиона рабов. У каждой стороны были свои преимущества.⁷⁴ Ни одна из сторон не понимала другую. Если бы Юг признавал, что сепарация должна привести к войне и что противником будет объединенный Север, сомнительно, чтобы он довел ситуацию до такой крайности. Еще более сомнительно, что Север начал бы войну, если бы знал, что придется противостоять единому Югу. «Покорить свободное население численностью в три миллиона? Невозможно!» – это высказывание Питта-старшего было усвоено английской расой как аксиома, но ведь теперь Север столкнулся с пятью с половиной миллионами убежденных и смелых людей, которых поддерживали три с половиной миллиона слуг, производивших продукты питания и заботившихся о женщинах и детях дома, пока мужчины были заняты на поле боя. Север боролся за Союз, будучи уверен, что сильное и беспринципное меньшинство подавило большинство южан, которые не хотели отделяться, не желали гражданской войны и – при надлежащей защите и поддержке – вполне могли бы склониться к сохранению лояльности национальному правительству. Линкольн понимал настроения северян и никогда не выражал публичной поддержки любому мнению, которое он искренне не разделял. И вот в послании специальной сессии конгресса 4 июля он заявляет: «Вполне можно усомниться, действительно ли сегодня большинство правомочных выборщиков в любом штате, за исключением, возможно, Южной Каролины, выступает за разъединение. Есть веские основания полагать, что сторонники Союза представляют собой большинство во многих, если не во всех так называемых отделившихся штатах».

Я в деталях рассматривал этот вопрос в своей «Истории...» и не считаю необходимым вновь исследовать его так же подробно. Тем не менее, возвращаясь к этой теме спустя двадцать лет после того, как я впервые занялся ею, и просмотрев еще раз оригинальные документы, должен отметить, что еще больше, чем раньше, убедился в единодушии Конфедеративных Штатов, возникшем после призыва президента к набору ополченцев. Цитаты из дневника

⁶⁹ Rhodes J. F. History... III. P. 384.

⁷⁰ Official Records... Armies. Ser. 3. I. P. 70.

⁷¹ Rhodes J. F. History... III. P. 391; Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln. IV. P. 240.

⁷² Official Records... Armies. Ser. 3. I. P. 83.

⁷³ Rhodes J. F. History... III. P. 393.

⁷⁴ Rhodes J. F. History... III. P. 397; Rhodes J. F. Lectures... P. 95.

Уильяма Г. Рассела и его корреспонденций в лондонской Times, которые я приводил в третьем томе, авторитетно подкрепляют прочие свидетельства. Этот интеллигентный и беспристрастный человек, ненавидевший рабство и симпатизировавший Северу, убежденный, что обращение к теме прав штатов делалось для «защиты рабства, территориального расширения института рабства и свободы работорговли с внешним миром», с 14 апреля по 19 июня 1861 года совершил поездку по южным штатам и пришел к убеждению, что народ Конфедерации сплочен. Подводя итоги своего путешествия, он писал: «Все до единого поддерживают свои штаты и у всех на устах один боевой клич: права штатов и смерть тем, кто идет войной против них!»

Несмотря на высокомерный критицизм, Рассел желал победы Северу, потому что ожидал вместе с ней крушения рабства. Но не верил, что северяне могут победить! В апреле, будучи в Чарлстоне, он записал: «Я более чем когда-либо доволен тем, что Союз никогда не будет восстановлен в прежнем виде, тем, что он развалился на куски и никогда, ни при каких событиях и никакой силой не вернется к прежнему состоянию». В Новом Орлеане 31 мая он записал в дневнике: «Разделение произошло, и не существует ни в Конституции, ни вне ее такой силы, которая сцементировала бы расколотые фрагменты». На борту парохода, идущего по Миссисипи, на котором Рассел выбирался из лагеря конфедератов в Каир,⁷⁵ он встретился с англичанином, который работал стюардом и был не прочь поделиться своим мнением, которое Рассел приводит с явным одобрением. «Эта война, – сказал стюард, – исключительно из-за негров. Я шестнадцать лет живу в этой стране, и никогда не встречал хотя бы одного, кто годился на что-либо, кроме как быть рабом. Я хорошо знаю обе стороны и скажу вам, сэр, что Север не сможет заставить Юг сделать их лучше».⁷⁶

К твердой решимости обеих сторон довести конфликт до конца примешивалось искреннее сожаление о том, что Союз должен быть разрушен. Когда пожилой джентльмен, с которым Рассел встретился в Чарлстоне, заговорил о перспективе гражданской войны, «слезы покатились по его щекам», но, считая ее «естественным следствием оскорблений, несправедливости и покушения Севера на права южан», он совершенно не опасался за результат. Миссис Чеснат написала о разделении: «Муки были ужасные». Когда конвент Виргинии рассматривал ордонанс о сецессии, один делегат, выступавший против, не совладал с эмоциями и в итоге зашелся в рыданиях. Другой, который был за, плакал как ребенок при мысли о разрыве старинных уз.⁷⁷ Вот мнение Генри Адамса, основанное на его воспоминаниях о Вашингтоне зимой 1861 года: «Ни один человек в Америке не хотел, не ждал и не планировал гражданской войны». Сходны впечатления Джона Николая, личного секретаря Линкольна, о том же периоде в Спрингфилде: «Войны никто не хотел».⁷⁸ И когда она разразилась, Д. Д. Кокс и Джеймс А. Гарфилд, в то время депутаты законодательного собрания штата Огайо, страдали о том, что «позорная, безрассудная, возмутительная... гражданская война пришла на нашу землю».⁷⁹

Джон Т. Морз в своей биографии Линкольна, которая весома и как современный документ, и как художественное исследование великого человека, писал: «Историки риторически утверждают, что Север взялся за оружие; он действительно так бы сделал, если бы было за что браться, но ружей было так немного».⁸⁰ Сообщения в первом томе третьей серии «Официальных документов армий Союза и Конфедерации» дают многочисленные подтверждения этого заявления. Губернаторы нескольких штатов в переписке с военным министерством Соединен-

⁷⁵ Каир (Кейро) – город в штате Джорджия. В США есть еще несколько городов с «египетскими» названиями, в частности Мемфис (штат Теннесси) и Коринф (Коринт, штат Арканзас). – *Примеч. ред.*

⁷⁶ Russell W. H. My Diary... P. 106, 251, 315, 329; Rhodes J. F. History... III. P. 407 n., 433 n.; Rhodes J. F. Lectures... P. 157 et seq.

⁷⁷ Russell W. H. My Diary... P. 117; Chesnut M. B. A Diary from Dixie. P. 53; Rhodes J. F. History... III. P. 386.

⁷⁸ Nicolay H. Personal Traits of Abraham Lincoln. P. 153. Николай был первым личным секретарем Линкольна.

⁷⁹ Rhodes J. F. History... III. P. 359 n.

⁸⁰ Morse J. T. Life of Lincoln. I. P. 252.

ных Штатов запрашивают ружья и пушки; вскоре они станут умолять об этом. Огайо дает нам самый яркий пример среди штатов к западу от Аллеганских гор. Макклеллан, назначенный генерал-майором, командующим волонтерами, произвел инспекцию арсенала штата и обнаружил несколько ящиков с гладкоствольными мушкетами, ржавыми и сломанными, две или три гладкоствольные 6-фунтовые пушки, потрескавшиеся от использования для салютов, гору заплесневелой упряжи, которая когда-то предназначалась для артиллерийских лошадей. Выйдя за дверь, он отчасти иронично, отчасти грустно заметил: «Прекрасный запас амуниции для начала великой войны».⁸¹ Губернатор Айовы, выражая пожелания всех остальных, требовал у военного министра: «Богом заклинаю, пришлите хоть сколько-нибудь оружия». Всем штатам были необходимы ружья с нарезным стволом, но правительство обладало ими в очень небольшом количестве, и когда штаты получали старинные кремневые ружья или такие же капсюльные, они чувствовали, что их потребностям не уделяется должного внимания. Мортон, губернатор Индианы, сообщил, что его штат получил лишь «старые гладкоствольные ружья в неудовлетворительном состоянии», и добавил, что во многих случаях «штыки прибиты молотком, а другие болтаются так, что готовы отвалиться». Губернатор Айовы писал: «Наши парни не готовы отправляться на поле боя со старомодными мушкетами, чтобы встретиться с людьми, имеющими лучшее вооружение». Сознывая беспомощность федерального правительства, Мас-сачусетс отправил в Европу агента с деньгами для приобретения более совершенного оружия, а Нью-Йорк закупил в Англии винтовки «Энфилд». Губернаторы нескольких штатов выпрашивали обмундирование и личное снаряжение для ополченцев. Существовала насущная потребность в пилотках, брюках, фланелевых накидках, рубашках, ботинках, чулках, шинелях и одеялах. «Правительство, – писал военный министр Мортону, – не имеет возможности немедленно поставить униформу и одежду, необходимую для внезапно призванного на службу большого контингента».⁸²

Макклеллан писал о волонтерах, записавшихся в армию в Огайо: «Никогда не видел такой массы прекрасных людей. Материал превосходный, но нет организации и дисциплины».⁸³ Капитан регулярной армии, прибывший отобрать часть из этого контингента в регулярную армию Соединенных Штатов, оглядев шеренгу крепких парней, одетых в красные фланелевые гарибальдийские рубашки (из-за отсутствия формы), воскликнул: «Боже мой! И такие люди должны стать пушечным мясом!»⁸⁴ «Симпатичные и энергичные молодые парни – они слишком хороши, чтобы стать пушечным мясом», – написал Джон Хэй, побывав в 6-м Массачусетском.⁸⁵ Эти же слова можно было сказать почти про всех добровольцев из каждого штата, поступивших на трехмесячную службу.

К концу апреля Линкольн уже настроился на то, что война будет долгой. Квота добровольцев, призываемых на три месяца, была заполнена быстро и, поскольку людской поток не прекращался, он решил использовать взрыв патриотизма и предлагать пришедшим в последнюю очередь трехлетний контракт. 3 мая он своим указом увеличил численность армии.⁸⁶ В своем послании от 4 июля он так охарактеризовал акции, направленные на мобилизацию: «Одна из главных трудностей правительства – как не набирать войска быстрее, чем оно может их обеспечить. Иными словами, люди спасут свое правительство, если правительство будет достаточно хорошо исполнять свою роль». Наш военный министр (Кэмерон), судя по официальной переписке первых месяцев войны, оказался добродушным, малоспособным и недально-

⁸¹ Battles and Leaders of the Civil War. I. P. 90.

⁸² Official Records... Armies. Ser. 3. P. I.

⁸³ Ibid. Ser. 1. LI, Pt. I. P. 333.

⁸⁴ Battles and Leaders of the Civil War. I. P. 97.

⁸⁵ Hay J. Letters and Diary. I. P. 13.

⁸⁶ 42 034 волонтера на три года; 22 714 в регулярную армию; 18 000 моряков во флот (Official Records... Armies. Ser. 3. I. P. 145).

видным – человеком узких взглядов. Линкольн, с другой стороны, живо реагируя на ситуацию, неоднократно призывал военное министерство принимать людей, которые готовы служить три года, и использовать все возможности для обеспечения их оружием, формой и ежемесячным денежным содержанием; таким образом, уже в самом начале – как и в последующие годы его президентства – он в первую очередь думал о важнейшей потребности: ему были нужны люди; что с ними делать, можно решить и после.

Неготовность южан к войне была сопоставима с неготовностью северян, только трудности с обеспечением войск оружием и боеприпасами у них были намного сложнее. Они привыкли приобретать порох на пороховых заводах северных штатов. Теперь им нужно было организовать его производство у себя. Имея меньше денег и худший кредит, они испытывали трудности с приобретением необходимого за рубежом. Более того, блокада вскоре стала серьезным препятствием для их коммерческой деятельности. 3 мая генерал Скотт написал: «Мы очень надеемся, что вскоре начнется надежная операция по полной блокаде портов Атлантики и Мексиканского залива».⁸⁷ Миссис Чеснат, которая 16 июля ужинала с Джефферсоном Дэвисом в Ричмонде, записала в дневнике: «Нам нужно больше оружия, но блокада уже начинает становиться помехой». Военному министру конфедератов Уокеру явно не хватало умения общаться с людьми, и его переписка с губернаторами содержит гораздо больше колкостей, чем было бы желательно для члена нового правительства в перспективе длительного конфликта. С другой стороны, Дэвис в административных навыках первоначально превосходил Линкольна. Его обучение в Вест-Пойнте, участие в войне с Мексикой и эффективная работа в военном министерстве на протяжении четырех лет дали возможность хорошо освоить военные тонкости, которые Линкольну теперь предстояло постигать с мучительными усилиями. Ли, как командующий виргинскими военными силами, оказался эффективным помощником губернатора штата в Ричмонде, городе, которому было предназначено стать важнейшим военным оплотом Конфедерации; будучи склонен переоценивать силы противника (что было характерно для обеих сторон), он, как и губернатор Айовы, считал, что северяне гораздо лучше вооружены.⁸⁸

Внимательно изучая конфиденциальную корреспонденцию Юга и Севера в период между бомбардировкой Самтера и сражением при Булл-Ран, поражаешься неподготовленности обеих сторон и вообще контрастом между состоянием военной подготовки к войне в нашей стране и Европе. В 1870 году французский военный министр сообщил императору и своим коллегам о том, что Франция готова, и более чем готова, а перед комиссией законодательного корпуса заявил: «Мы готовы настолько, что даже если война продлится два года, нам не придется искать и пуговицы для гамашей». За десять дней он организовал переброску по железной дороге к границе почти 200 000 человек с пушками, лошадьми и боеприпасами. В то же время Бисмарк интересовался у Мольтке: «Каковы наши шансы на победу?» Мольтке отвечал: «Полагаю, мы им ни в чем не уступаем, с оговоркой, что никто не может предсказать исход великой битвы». Он также отметил, что «быстрое столкновение в целом для нас более благоприятно, чем его отсрочка». Меньше чем за три недели Мольтке сосредоточил на границе с Францией армию, численностью более чем вдвое превосходящую французскую.⁸⁹

Если бы Север или Юг подготовились хотя бы столь же слабо, как Франция (не говоря уж о том, что проделал ее противник), то они смели бы все на своем пути. Если бы у Юга и Севера была такая совершенная организация, как у Пруссии, война могла оказаться намного короче. Но прусская военная система в Соединенных Штатах была невозможна, а если и возможна, то

⁸⁷ 27 апреля президент распространил блокаду на Виргинию и Северную Каролину (Official Records... Armies. Ser. 3. I. P. 122).

⁸⁸ Official Records ... Armies. Ser. 1. LI, Pt. I; Ser. 4, I; Chesnut M. B. A Diary from Dixie; Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln; Rhodes J. F. History... IV.

⁸⁹ Ollivier E. L'Empire Liberal. XV; La Gorce P. de. Histoire du Second Empire. VI; Walpole S. History Of Twenty-Five Years. II; Encyclopædia Britannica («Leboeuf»); Sybel H. von. The Founding of the German Empire.

не считалась необходимой. Американцы, как афиняне времен Перикла, предпочитают «встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям».⁹⁰

В обращении к своему конгрессу Дэвис 29 апреля подчеркнул, что призыв Линкольна к набору 75 000 добровольцев был объявлением войны Конфедерации и попросил разработать меры для ее защиты. Утверждая, что каждый штат суверенен и «в конечном итоге единственный судья как своим ошибкам, так и способам и мерам по их исправлению», он оправдал сецессию и образование Конфедеративных Штатов. «Мы считаем, что наше дело абсолютно правое, – заявил он. – Мы просим лишь оставить нас в покое; те, у кого никогда не было власти над нами, не имеют права требовать подчинения силой оружия. Таким образом, мы будем, мы должны сопротивляться до последней возможности». Дэвис как президент был обязан извлечь максимум из ситуации, к которой относился с глубокими опасениями. Он был противником войны и хотел, чтобы его братья-южане вели себя менее опрометчиво. В конце июня миссис Чеснат имела с ним беседу продолжительностью около часа, в ходе которой он проявлял «печальную сдержанность». «Тон его не был жизнерадостным». Он предчувствовал длительную войну, издевался над бахвалами, кричавшими, что «каждый южанин равен трем янки. Только глупцы, – продолжал он, – сомневаются в мужестве янки или в их готовности сражаться, когда они посчитают это необходимым».⁹¹

Конфедераты, сказал президент в своем послании 4 июля, «навязали стране требование выбирать: “немедленное разъединение или кровь”. С глубочайшим сожалением правительство считает своим долгом использовать военную силу для защиты от насилия. Оно обязано исполнить свой долг или прекратить существовать». Используя выражение «простой народ» (the plain people), которое ему очень нравилось, он именно к нему обращался за поддержкой.

В 1861 году Линкольн больше, чем кто-либо другой, был убежден, что южане никогда бы не использовали доктрину прав штатов для оправдания отделения, если бы это не было способом предотвратить то, что они считали угрозой институту рабства; однако в его послании на эту тему нет ни слова, и легко понять почему. Сводя цель войны к восстановлению Союза, он привлекал на свою сторону демократов, сторонников Белла и Эверетта, а также республиканцев; упоминание рабства немедленно вызвало бы разногласия. Но уже в эти дни Линкольн представлял себе масштаб конфликта, открывая душу личному секретарю, который во всем его поддерживал: «Со своей стороны, я считаю основной для нас идеей, пронизывающей эту схватку, необходимость доказать, что народное правительство – не бессмыслица. Мы должны сейчас решить вопрос – есть ли при свободном правительстве у меньшинства право сменить его, когда оно того пожелает. Если мы потерпим неудачу, это подтвердит неспособность народа к самоуправлению. Есть одно соображение, которое может удержать от принятия окончательного суждения, но нам не следует торопиться; в нашем случае присутствует один важный и имеющий далеко идущие последствия элемент, которого, возможно, не будет в истории ни одной свободной страны. Впрочем, нам сейчас говорить не об этом. Работая с правительством, которое у нас есть, мы увидим, сумеет ли большинство сохранить его».⁹²

Официальный документ от 1 июля оценивает силу союзной армии в 186 000 человек.⁹³ Газеты, в особенности New York Tribune, уже призывали к наступлению на Ричмонд. От генерала Скотта требовали не отказываться от услуг призванных на три месяца волонтеров, срок службы которых подходил к концу.⁹⁴ Политики, опасаясь, что промедление повлияет на

⁹⁰ Фукидид. История. II, 39 (пер. Г. Стратановского).

⁹¹ Chesnut M. B. A Diary from Dixie; Rhodes J. F. History... III. P. 299.

⁹² 7 мая (Hay J. Letters and Diary. I. P. 31).

⁹³ Rhodes J. F. History... III. P. 360, n. 2.

⁹⁴ Russell W. H. My Diary...; Rhodes J. F. History... III.

общественные настроения, поддерживали это требование; многие опытные и рассудительные люди присоединялись к «гласу народа». Уже в мае губернатор Эндрю сетовал на «недостаток решительности» в операциях северян, а сенатор Фессенден писал: «Я каждый день надеюсь услышать о каком-то решительном ударе».⁹⁵ Уильям Г. Рассел, основывая свое мнение на европейских примерах, с которыми он близко познакомился во время Крымской войны, писал о жалком состоянии способных принять участие в кампании солдат Союза в лагерях под Вашингтоном; их численность он оценивал в 30 000 человек. «Я против национального самохвальства, – писал он, – и твердо убежден, что 10 000 регулярных британских солдат (он думал, пожалуй, что нужно сказать что-нибудь приятное англичанам), или 12 000 *французских* с достаточной поддержкой артиллерии и кавалерии и при компетентном командовании не только с чрезвычайной легкостью дали бы отпор этой армии, но и атаковали бы ее и пошли на Вашингтон – сквозь них или с ними, как пожелают».⁹⁶

Народный призыв «На Ричмонд!» звучал в ушах президента, пока он не пришел к решению, что армия Союза должна дать бой в Восточной Виргинии. Победа укрепит единодушие, которое царило с момента бомбардировки форта Самтер; она станет залогом непродолжительности войны. В перспективе короткой кампании удастся удержать высокий патриотический подъем и разногласия, которые могут перерасти в оппозицию, попросту не возникнут. Более того, сохранится доброжелательное отношение Европы. Она в данный момент сочувственно относится к притязаниям президента на роль общенациональной власти, но будет неплохо показать ей и то, что правительство Соединенных Штатов, к которому ее государства направляют своих дипломатических представителей, обладает и сильными батальонами. Кроме того, если все те замечательные парни, добровольно вызвавшиеся встать на три месяца под ружье, не будут использованы в активных действиях немедленно, к концу срока их службы им может уже и расхотеться делать это. Приняв во внимание все эти соображения, президент пригласил на совещание в своем кабинете ряд генералов. Макдауэлл, выпускник Вест-Пойнта, штаб-офицер во время Мексиканской войны, в настоящее время командовавший частями на виргинском берегу Потомака, заявил, что может выступить против Борегара, расположившегося с 21 900 человек за ручьем Булл-Ран, в том случае, если Джозефу Э. Джонстону, который находился в долине Шенандоа с 9000 бойцов, воспрепятствуют соединиться с Борегаром. Генерал Скотт, который чувствовал, что армия не готова вести сражение в Виргинии, но подчинился пожеланию президента, сказал: «Если даже Джонстон соединится с Борегаром, у него на хвосте будет Паттерсон» (предполагалось, что Паттерсон с группировкой из 18 000–22 000 человек будет внимательно следить за Джонстоном и в случае необходимости вступит в бой, нанесет ему поражение или задержит в долине).

Днем 16 июля «Великая армия» Макдауэлла численностью около 30 000 человек, состоящая по большей части из волонтеров, призванных на три месяца, при поддержке 1600 солдат регулярной армии выступила в поход и 18 июля заняла Сентревилл. Из живых на тот момент американских генералов никому не доводилось командовать столь крупной группировкой войск, и в Мексике Макдауэлл как штаб-офицер имел дело с гораздо меньшими силами. Солдаты, за исключением кадровых, были необстрелянными, как и большинство офицеров; этот марш протяженностью 27 миль, который уже через год будет считаться пустячным, стал для них тяжелым испытанием. Дисциплина напрочь отсутствовала. Уильям Т. Шерман, командовавший бригадой, писал: «Несмотря на все мои личные усилия, я не мог остановить людей, покидающих строй в поисках воды, ежевики и чего им там еще вздумалось». Солдаты не умели распорядиться своим рационом, чтобы «растягивать его настолько, насколько требовалось»,

⁹⁵ Official Records... Armies. Ser. 3. I. P. 182, 244.

⁹⁶ Russell W. H. My Diary... P. 403, 404 (курсив мой).

сообщал Макдауэлл; более того, их возбуждение «находило выход в поджогах и мародерстве». Впрочем, эти эксцессы Макдауэлл пресек.

Джонстон, получив из Ричмонда телеграмму с указанием присоединиться, если возможно, к Борегару, сумел улизнуть от Паттерсона и в полдень 18 июля двинулся к Булл-Ран. «Разочарование опытного человека вроде меня, привыкшего к твердой поступи регулярных частей, – записал он, – от этого дневного перехода неопишимо». Из-за частых и неоправданных задержек и отсутствия дисциплины он мог вовремя и не соединиться с Борегаром. Осознав это, преодолеть заключительную часть пути он решил по железной дороге. Пройдя 23 мили пешком, последующие 34 мили его пехота проехала на поездах (кавалерия и артиллерия продолжали путь проселками). В субботу 20 июля шеститысячный отряд Джонстона соединился с Борегаром.

До Макдауэлла доходили слухи, что Джонстон соединился с Борегаром, но он им не поверил. Он продолжал придерживаться своего первоначального плана обойти конфедератов слева. На рассвете воскресенья 21 июля он предпринял наступление. Из-за неопытности солдат и офицеров, задержек на марше и маневрирования наступление задержалось на три часа, однако в десять утра войска Союза вступили в боевое соприкосновение с противником и, имея численный перевес, вынудили его к отступлению. Конфедераты отходили по всему фронту, но, когда они стали подниматься по склону холма Генри, то увидели бригаду Томаса Д. Джексона, спокойно ожидающую нападения. Генерал Би воскликнул, желая приободрить свои отступающие части: «Смотрите, Джексон стоит как каменная стена!» Прозвище Стоунволл (Каменная Стена) так и закрепилось за Джексонем на всю оставшуюся жизнь.

Паттерсон в своем воображении сильно преувеличил силы Джонстона и опасался идти в наступление; в испуге он двинулся на север – прочь от конфедератов, вместо того чтобы преследовать их. Не подозревая о его реальных намерениях, генералы конфедератов решили, что он спешит соединиться с Макдауэллом. Тем времени Борегар счел разумным атаковать силы северян своим правым флангом и по центру, не дожидаясь, пока к ним придет подкрепление. Джонстон, старший по званию, одобрил его план. Однако перепутанные приказы помешали наступлению; между тем атака Макдауэлла оказалась неожиданной. Звуки первых пушечных выстрелов подсказали, что тот пытается атаковать их на левом фланге. До места событий было четыре мили, но Джонстон с Борегаром оседлали коней и с максимальной скоростью помчались туда. «Мы прибыли в нужный момент», – говорил Джонстон. Войска конфедератов были деморализованы; началось беспорядочное отступление. Потребовались вся твердость и мужество генералов, чтобы остановить поток. Борегар остался под огнем, командуя своими войсками, а Джонстон с сожалением направился в тыл, чтобы ускорить прибытие подкрепления.

Два генерала конфедератов появились на поле боя в полдень. Сражение длилось до трех часов дня. Самые ожесточенные бои развернулись за холм Генри, который удалось захватить северянам. В два часа дня Борегар отдал приказ перейти в наступление и отбить холм. Атака была проведена лихо. Бригада Джексона пронзила центр северян штыковой атакой; другие части ринулись вперед не менее решительно, нажали на северян и выдавили их с открытого пространства холма. Но северяне собрались, восстановили ряды и согнали конфедератов с холма в лес. Макдауэлл, который видел эту стадию сражения своими глазами, посчитал последнюю атаку финальной и решил, что победа – за ним.

Джефферсон Дэвис, слишком взволнованный, чтобы оставаться в Ричмонде, отправился поездом к месту сражения. Приближаясь к железнодорожной станции Манассас, он увидел клубы пыли, которые поднимали повозки, отправляемые в тыл, и отчетливо различил звуки стрельбы. На станции собралось множество людей, которые в панике покинули поле боя. Они живо описывали Дэвису поражение своей армии. Он спросил седобородого мужчину, чье спокойное лицо и собранное поведение внушали уверенность, как прошла битва. «Наши порядки расстроены, – последовал ответ. – Все в смятении, армия отступает, сражение проиграно».

Машинист поезда отказался ехать дальше, но, уступая настойчивым требованиям Дэвиса, отцепил локомотив и подвез его к штабу, где Дэвис нашел коней для себя и своего помощника. Двое офицеров вызвались проводить их к полю битвы. По дороге им попадались множество бредущих солдат; их часто предупреждали об опасности, которая ждет впереди. Но звуки стрельбы стали стихать, что могло означать как наступление конфедератов, так и затухание сражения. Встретив Джонстона на холме, господствующем над полем, он мог бы спросить его, как король Генрих V при Азенкуре: «Не пойму, мы победили или нет?» Но Джонстон опередил его, сказав: «Мы выиграли сражение».

В три часа дня, когда Макдауэлл увидел, как войска конфедератов скрываются в лесу, он надеялся, что сражение закончено и поле боя осталось за его армией. Но надежды были жестоко развеяны – это стало ее последним отчаянным усилием. Солдаты находились на ногах с двух часов ночи; одна из дивизий совершила длинный утомительный марш. День был чрезвычайно жарким, сражение длилось четыре с половиной часа. Многие побросали свои заплечные мешки и фляги и теперь задыхались от пыли, страдали от жажды, голода и усталости. Борегар приказал выдвинуть вперед все свои наличные силы, в том числе и резерв, с намерением последним решительным усилием вернуть холм; он собирался лично возглавить наступление. Вдруг послышались громкие приветствия, встречающие прибывающие свежие части – последние части из долины Шенандоа, которые следовали за Джонстоном поездами с максимально возможной скоростью и теперь получили от него приказ атаковать правый фланг Макдауэлла. Из уст в уста передавалась фраза: «Явилась армия Джонстона». В тот же момент Борегар двинул вперед всю свою линию фронта. На войска северян «вдруг напал панический страх, которому иногда без всякой видимой причины подвержены большие армии».⁹⁷ Пехотинцы смяли ряды и в беспорядке ринулись вниз по холму. Макдауэлл и его офицеры пытались остановить их, но командам подчинились только регулярные солдаты, которые прикрывали отступление волонтеров, которые вброд пересекали Булл-Ран и выбирались на Уоррентонский тракт – огромная масса дезорганизованных, перепуганных людей. Конфедераты преследовали их очень недолго;⁹⁸ Макдауэлл вознамерился было закрепиться в Сентревилле, но это оказалось невозможно, как невозможно было остановить беспорядочное бегство в Фэрфакс-Корт-Хаус. «Большая часть солдат, – телеграфировал Макдауэлл, – обратилась в бестолковую толпу, полностью деморализованную. Они промчались через это место в полном беспорядке». Бегство прекратилось лишь тогда, когда солдаты добрались до укрепленных сооружений на южном берегу Потомака; многие из них отправились и дальше – через Лонг-бридж в Вашингтон. Вскоре они узнали, что бежали от воображаемого противника, поскольку конфедераты и не пытались их преследовать.

Линкольн в Вашингтоне тревожился не меньше, чем Дэвис в Ричмонде. Вернувшись из церкви, он жадно просматривал телеграммы, направленные ему из военного министерства и из штаба армии. Депеши направлялись с телеграфной станции недалеко от места сражения и ближе к трем часам стали более частыми и сообщали об определенном продвижении вперед и нарастающей артиллерийской канонаде. В нетерпении обсудить с кем-нибудь новости, он отправился в кабинет Скотта, где и обнаружил пожилого дряхлого генерала дремлющим после обеда. Будучи разбуженным, Скотт сообщил ему, что подобные сообщения не имеют никакого значения и, выразив уверенность в благополучном результате, собрался дремать дальше. Депеши продолжали приносить обнадеживающие вести. Сообщалось, что конфедераты отступили на две или три мили; один из адъютантов Скотта принес президенту телеграмму от лейтенанта инженерных войск в Сентревилле, в которой говорилось, что Макдауэлл гонит про-

⁹⁷ Фукидид. История. IV, 125 (пер. Г. Стратановского).

⁹⁸ Вплоть до ручья Каб-Ран. Если бы преследование продолжилось, резерв Макдауэлла, располагавшийся близ Блэкберн-Форд и Сентревилля, мог бы прикрыть тыл отступающих войск.

тивника, отдал приказ резерву идти вперед и желает безотлагательно получить подкрепление. Поскольку Скотт считал сообщение заслуживающим доверия, президент, оставив все сомнения, приказал подать экипаж для обычной вечерней прогулки. В шесть вечера в Белом доме появился секретарь Сьюард – бледный и осунувшийся. «Где президент?» – хрипло спросил он личных секретарей Линкольна. «Уехал кататься», – сообщили ему. «Знаете последние новости?» – продолжил он. Ему зачитали телеграммы, возвещавшие о победе. «Никому не передавайте, – ответил он. – Это неправда. Сражение проиграно... Макдауэлл отступает и призывает генерала Скотта спасать столицу».⁹⁹ Через полчаса, вернувшись с прогулки, президент узнал о сообщении Сьюарда, прошел в штаб армии и прочитал донесение капитана инженерных войск: «Армия генерала Макдауэлла в полном составе отступает через Сентревилл. Бой проигран. Спасайте Вашингтон и остатки этой армии. Бегущие войска переформировать не удастся». «Президент этой ночью не ложился в постель; утро застало его в президентском кабинете»¹⁰⁰ слушающим рассказы корреспондентов газет и других лиц, которые следовали вместе с Макдауэллом до Сентревилля и после сокрушительного ответа противника, опасаясь за свою безопасность, поспешили в Вашингтон. Они начали прибывать около полуночи. Понедельник в столице начинался мрачно; ко всеобщему унынию добавился моросящий дождь. Но к полудню стало известно, что конфедераты не стали преследовать отступающие войска и не думали о немедленном штурме Вашингтона.

Катастрофа порой вынуждает даже достойных людей терять самообладание, но президент был не из таковых. Горько разочарованный результатом, он не проявлял никаких признаков упадка духа и утраты контроля. В течение недели он посещал лагерь под Вашингтоном. Во время одной поездки его сопровождающим оказался Уильям Т. Шерман. Линкольн и Сьюард, сидевшие «бок о бок в открытой коляске», узнали Шермана, стоявшего на обочине. Он поинтересовался, не в его ли лагерь они едут, и Линкольн отвечал ему: «Да, мы слышали, вы пережили большой испуг, и решили посмотреть на ваших парней». Президент пригласил Шермана в свою коляску и попросил показывать путь. Шерман, понимая чувства президента и его желание говорить с людьми, решил предостеречь его. «Прошу не поощрять никаких приветствий, шума и всякой суматохи, – сказал он. – Всего этого было достаточно перед сражением при Булл-Ран, чтобы испортить любого. Нам нужны спокойные, рассудительные, решительные солдаты. Больше никаких восторгов, никакого притворства». Главнокомандующий армией и флотом Соединенных Штатов внял совету полковника и, прибыв в первый лагерь, встал в своей коляске и произнес, как выразился Шерман, «одну из самых четких, лучших и наиболее почувствованных речей, какие я когда-либо слышал. Он говорил о нашей последней катастрофе при Булл-Ран, высоком долге, который по-прежнему возложен на нас, и о том, что светлые дни еще впереди. Пару раз солдаты начинали хлопать, но он остановил их: “Не надо хлопать, парни. Признаюсь, я был бы рад послушать, но ваш полковник Шерман говорит, что это не по-военному, и думаю, нам лучше согласиться с его мнением”».¹⁰¹ Он отправился дальше и еще несколько раз произнес перед солдатами ту же речь. Эффект от его посещения оказался положительным и доказал обоснованность того влияния, которое он вскоре приобрел в армии.

Шерман считал сражение при Булл-Ран хорошо спланированной, но плохо проведенной операцией, и Джонстон был с ним в этом согласен. «Если бы тактика федералов соответствовала их стратегии, – писал Джонстон, – мы были бы разбиты». Напротив, Ропс считал, что тактика Макдауэлла оказалась лучше стратегии. Расхождения в оценках не имели значения для простых людей, которым сражение при Булл-Ран представлялось противостоянием двух

⁹⁹ Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln. IV. P. 353.

¹⁰⁰ Ibid. P. 355.

¹⁰¹ Sherman W. T. Memoirs of General W. T. Sherman. I. P. 189.

вооруженных банд в открытом поле, сошедшихся в лихой схватке, чтобы решить вопрос, который никак не могли урегулировать лучшие государственные умы.

Посторонний наблюдатель, глядя на холм Генри, мог обратить внимание, что многие батальоны и полки северян были одеты в яркую парадную форму ополченцев, которую они привыкли носить во время торжественных процессий 4 июля. Эффектные костюмы зуавов с фесками или тюрбанами, с желтыми мешковатыми штанами на многих производили сильное впечатление. Контраст между этой формой и строгими синими костюмами регулярной армии Соединенных Штатов с поразительным символизмом отражает разницу между праздничными парадами, которые проводились в духе призывов «На Ричмонд!», и суровой задачей покорения объединенного Юга.

В сражении при Булл-Ран рядовые обеих армий впервые в жизни услышали грохот пушек и мушкетов в реальном бою, увидели пушечные ядра, крушащиеся деревья, разрывающиеся над головой и вокруг, поражающие их друзей и братьев, увидели залитое кровью поле, усеянное трупами людей и лошадей. Солдатская кровь уже пролилась, хотя солдатские навыки еще предстояло приобрести. Количество раненых и убитых «свидетельствует о тяжелом сражении».¹⁰²

Если не считать газет, на Юге не было особенной радости по этому поводу. Во властных структурах ни на минуту не поверили, что Север уступит без боя. Напротив, южане считали, что впереди их ждет долгая и трудная борьба.

На Севере в это время воцарилось глубокое уныние. Перенести удар достойно оказалось еще труднее оттого, что Англия, сочувствия которой так страстно желали, теперь рассматривала распад Союза как свершившийся факт. Друзья Юга видели в этой победе залог его грядущего триумфа и, чтобы приблизить его, старательно маскировали коренную проблему. Чарлз Фрэнсис Адамс, наш посланник в Великобритании, в частном письме из Лондона писал: «Даже удивительно видеть усилия, которые прилагают здесь ради создания впечатления, будто наша борьба не имеет никакого отношения к рабству, а связана исключительно с торговыми пошлинами... Не могу не обратить внимание на то, что в целом англичане довольны нашей неудачей».¹⁰³

Через 52 года после сражения это отношение можно объяснить замечанием Ларошфуко: «Неудачи наших лучших друзей не совсем неприятны для нас», хотя во время войны такое отношение заморских родственников с горечью воспринималось людьми, рисковавшими жизнью и состоянием в борьбе, которую считали священной.¹⁰⁴

¹⁰² *Ropes J. C. The Story of the Civil War. I. P. 154. Общие потери: Союз – 2984, Конфедерация – 1981 человек (Livermore T. L. Numbers and Losses in the Civil War. P. 77).*

¹⁰³ 30 августа (Letters and Recollections of J. M. Forbes. I. P. 234).

¹⁰⁴ Источники: *Rhodes J. F. History... III. P. 437, 443–457; Official Records... Armies. Ser. 1. II; Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln. IV; Sherman W. T. Memoirs... I; Davis J. Rise and Fall of the Confederate Government. I; Ropes J. C. The Story... I; Lincoln A. Complete Works. II; Swinton W. Army of the Potomac; Chesnut M. B. A Diary from Dixie; Battles and Leaders of the Civil War. I; Congressional Globe; Hosmer J. K. The Appeal to Arms; Seward F. W. Seward at Washington as Senator and Secretary of State: A Memoir of His Life. II; Early J. A. Autobiographical Sketch. Характеристики Джонстона и Джексона см.: Rhodes J. F. History... III. P. 458, 462.*

II

На следующий день после сражения при Булл-Ран конгресс собрался в привычное время и занимался обычными делами. По крайней мере внешне все выглядели спокойно. Палата представителей всего при двух голосах против приняла резолюцию Криттендена, внесенную двумя днями ранее, в которой отражалось общее отношение страны к целям войны. В резолюции говорилось, что война ведется не ради завоевания или покорения, не с целью свергнуть существующие институты южных штатов или ущемить их права, а ради сохранения главенствующей роли конституции и сохранения Союза. Через три дня она была принята сенатом 30 голосами против пяти.¹⁰⁵

Конгресс собрался 4 июля и, отвечая на запрос президента изыскать способы сделать войну «краткой и решительной», уполномочил его принять на военную службу 500 000 волонтеров сроком на три года, если не представится возможности более раннего увольнения, и уполномочил министра финансов «взять от имени Соединенных Штатов кредиты» на сумму 250 миллионов долларов. Конгресс не смог воспользоваться своей властью изменить налогообложение столь эффективно, как этого требовала ситуация, но тем не менее кое-что сделал и в этом направлении, увеличив некоторые тарифные пошлины, обложив прямым налогом в 20 миллионов долларов штаты и территории и введя 3 %-ный налог на доходы, превышающие 800 долларов.

Конгресс выказал огромное доверие президенту и во всем пошел навстречу его пожеланиям. Как позже написал один из его членов, во время этой сессии конгресс работал как «гигантская бюджетная комиссия». Сомнения возникли в отношении лишь двух актов с диктаторским оттенком: прокламации о призыве волонтеров на три года и увеличении численности регулярной армии и флота, и приказа главнокомандующему армией генералу Скотту, наделяющего его лично или через заместителя правом приостанавливать, если того требует общественная безопасность, действие привилегии о доставлении арестованного в суд (*habeas corpus*) в любом месте территории фронта между Филадельфией и Вашингтоном.¹⁰⁶

¹⁰⁵ О конфискационных законах см.: *Rhodes J. F. History...* III. P. 464; *Schwab J. C. The Confederate States of America.*

¹⁰⁶ Был также другой приказ, санкционирующий приостановление действия закона о доставке в суд во Флориде, см.: *Lincoln A. Complete Works.* II. P. 39, 45.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.